# «Прав тот, кто обратился».

Павел Пуликов

Павел Пуликов

# «Прав тот, кто обратился».

«Автор»
2026

**Пуликов П. Г.**

«Прав тот, кто обратился». / П. Г. Пуликов — «Автор», 2026

Меня зовут Павел Пуликов, я из Баймака в Башкирии. Я юрист, заместитель председателя по социальной работе отделения Всероссийского общества инвалидов — и человек с ДЦП.В семнадцать я потерял маму, в восемнадцать боролся за жизнь папы: оформлял инвалидность, выбивал направления, собирал документы по кабинетам. Тогда понял: справедливость сама не приходит — за ней надо идти. Работал там, где людям выдают средства реабилитации, и увидел систему помощи изнутри. Потом были мои первые тридцать четыре дела — тридцать четыре истории, а не строчки: статья 156, блокировка счёта и банкротство, которое я прошёл сам, без юристов. А ещё — КВН, музыка и возвращение в образование.Это книга не про суд и не про диагноз. Она про привычку не молчать: права становятся реальными, только если их отстаивать. Про «доступную среду», о которой говорят все, а встречают её редко. Честно, без патетики и с юмором, который не исчезает даже в залах ожидания.Шансы есть. Всегда. Главное — обратиться.

© Пуликов П. Г., 2026
© Автор, 2026

# Содержание

ВВЕДЕНИЕ 6
ЧАСТЬ I. ДЕТСТВО И ШКОЛА 8
ГЛАВА 1. БАЙМАК, «СКАЗКА» И ПЕРВЫЙ ВОПРОС «ПОЧЕМУ?» 8
Конец ознакомительного фрагмента. 11

# «Прав тот, кто обратился».

**ПРАВ ТОТ, КТО ОБРАТИЛСЯ**
Истории о праве быть услышанным

Павел Пуликов

**СОДЕРЖАНИЕ**

Введение
ЧАСТЬ I. ДЕТСТВО И ШКОЛА
Глава 1. БАЙМАК, «СКАЗКА» И ПЕРВЫЙ ВОПРОС «ПОЧЕМУ?»
Глава 2. ШКОЛА И ПЕРВЫЕ УРОКИ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ
ЧАСТЬ II. УЧЁБА И НАЧАЛО ПУТИ
Глава 3. КОЛЛЕДЖ: КАК Я ВЫПОЛНИЛ МАМИНУ МЕЧТУ — И НЕ ЗАМЕТИЛ ЭТОГО
Глава 4. СИБАЙ: ДВА ФАКУЛЬТЕТА И ОДИН ТРАНЗИТ
Глава 5. «МЕДСЕРВИС ПЛЮС» — «БАШ ТСР»: КАК Я НАЧАЛ ОБЕСПЕЧИВАТЬ ЛЮДЕЙ СРЕДСТВАМИ РЕАБИЛИТАЦИИ
Глава 6. ГДЕ СИСТЕМА ТСР ДАЁТ СБОЙ: ВЗГЛЯД ИЗНУТИ
Глава 7. ВОИ БАЙМАКА: ОРГАНИЗАЦИЯ, КОТОРАЯ ЗНАЛА МЕНЯ ВСЮ ЖИЗНЬ
ЧАСТЬ III. ЮРИСТ НА ПРАКТИКЕ
Глава 8. ДЕЛО ПО СТАТЬЕ 156. ИСТОРИЯ, ЗА КОТОРОЙ ПРЯЧУТСЯ ЖИВЫЕ ЛЮДИ, И КАК Я УЧИЛСЯ РАБОТАТЬ С ТЕМОЙ, ГДЕ ПРАВО ВСТРЕЧАЕТСЯ С БОЛЬЮ
Глава 9. 115-ФЗ: КОГДА БАНК ПОДОЗРЕВАЕТ ДОБРОГО ЧЕЛОВЕКА
Глава 10. ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ VS ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ: СЛОВО КАК ЗАЩИТА
Глава 11. ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАБИЛИТАЦИИ: ПРАВО НА НОРМАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ
Глава 12. ДОСТУПНАЯ СРЕДА: НЕ ПРО «ПАНДУС ДЛЯ ГАЛОЧКИ», А ПРО РЕАЛЬНУЮ СВОБОДУ
Глава 13. ПЕРВЫЕ ДЕЛА: 34 ИСТОРИИ, А НЕ 34 СТРОЧКИ
Глава 14. КОГДА НЕ БЕРУТ — ИЛИ БЕРУТ, НО ОБМАНЫВАЮТ
Глава 15. НЕДЕЕСПОСОБНЫЙ — НЕ ЗНАЧИТ БЕСПРАВНЫЙ
Глава 16. КАК ГОВОРИТЬ С ВЛАСТЬЮ
Глава 17. Социальная защита: инструкция по выживанию в бюрократии
ЧАСТЬ IV. НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ
Глава 18. Я ВЕРНУЛСЯ В СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ: ФОРУМ И ПАРЫ ПРО ИНКЛЮЗИЮ
Глава 19. МОЛОДЁЖНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И НКО: КАК УПРАВЛЯТЬ И НЕ УТОНУТЬ
Глава 20. БАЙМАК ГЛАЗАМИ МЕНЯ: ГОРОД И МУЗЫКА, КОТОРЫЕ МЕНЯ ЗАКАЛИЛИ
Глава 21. БАНКРОТСТВО: КАК Я ПРОШЁЛ ЕГО САМ
Глава 22. ПЕРЕСЕЧЕНИЕ РОЛЕЙ: ЮРИСТ, ПЕДАГОГ, АКТИВИСТ — И ЧЕЛОВЕК С ДЦП
Глава 23. Магистратура, профессорство и онлайн-школа: план на десятилетие
Заключение

# ВВЕДЕНИЕ

Привет. Меня зовут Павел, и я рад, что ты держишь эту книгу в руках.

Давай сразу договоримся: я не буду перед тобой выступать. Не буду важно сидеть в дорогом костюме и объяснять «как надо». Я буду просто рассказывать — как рассказывал бы другу за чаем. Потому что эта книга и есть такой разговор.

Итак, кто я. Я из Баймака — небольшого города в Башкирии, где все друг друга знают и где справедливость всегда измерялась не статьями закона, а тем, как поступил человек. Я юрист. Заместитель председателя по социальной работе Всероссийского общества инвалидов города Баймак, представляю президиум Башкирской республиканской организации ВОИ. Занимаюсь молодёжными проектами и молодёжной политикой Баймакского района. А ещё — сам человек с инвалидностью, у меня ДЦП.

Про ДЦП я пишу не для того, чтобы тебя растрогать. Пишу это потому, что без этой строчки вся моя работа не будет тебе понятна. Я знаю барьеры не из отчётов. Я их чувствую физически — каждый раз, когда передо мной ступенька вместо пандуса или дверь, которую «пока не сделали доступной». Знаю, сколько сил стоит дойти до кабинета, чтобы отстоять своё право. И знаю, чего это стоит — сказать в ответ на «мы не можем» простое: «а давайте посмотрим закон».

В школе я клятвенно повторял: не буду ни юристом, ни программистом, ни бухгалтером. Никогда. Ни за что. Судьба, наверное, долго смеялась — сегодня я совмещаю всё это сразу. А мама всегда хотела, чтобы я стал юристом. Возможно, эта книга — её несбывшийся разговор со мной.

Жизнь рано научила меня взрослости. В семнадцать лет я потерял маму — осенью две тысячи девятнадцатого. А в восемнадцать я уже не просто горевал — я боролся за жизнь папы: оформлял ему инвалидность, собирал документы на социальную поддержку, выбивал каждое направление. И однажды понял: дальше себя обеспечивать придётся самому. Так я пришёл в общество инвалидов — и не знал ещё, что это станет не просто работой, а школой. Школой человечности и права одновременно. Именно там я впервые по-настоящему увидел людей, которым закон положил многое, а жизнь дала мало. И решил: буду тем, кто помогает это неравенство выправлять — не словами, а делом.

За эти годы я повидал многое. Человека, чью жизнь изменила вовремя выданная коляска. Друга, которому банк заморозил счёт только потому, что система заподозрила его в преступлении — по 115-ФЗ, даже не разобравшись. И этот же самый друг — да-да, один и тот же человек — подарил мне ещё две истории. Сначала он устроился педагогом: договор есть, всё «по правилам», а зарплата такая, что жить на неё почти невозможно. Потом пошёл работать в администрацию — месяцами делал настоящую работу, а договор ему так и не оформили. Видишь, как это похоже? Человек честно старается, а система либо платит копейки, либо делает вид, что его нет.

Я видел дела о недееспособности — страшное слово, за которым прячется очень простая суть и очень живые люди. Я ходил по кабинетам органов власти и учился говорить так, чтобы меня слышали. Я занимался доступной средой — той самой, про которую много говорят и мало делают. И даже себя я однажды видел по ту сторону юридической консультации — но об этом позже. Скажу только, что тот случай изменил меня сильнее любого дела из практики.

А ещё был у меня один момент, который я сам не ждал. Учился я тогда не ради оценок, не ради «красного диплома» — просто хотел разобраться, понять, как это всё работает, чтобы потом помогать людям. И когда в конце выдали диплом, оказалось — красный. Не потому что я старался ради корочки, а потому что делал своё дело. И знаешь, что он мне дал? Не строчку

в резюме. Он дал мне право смотреть в глаза тем, кто говорит «ты не сможешь». Дал право стоять на своём и знать, что я действительно понимаю, о чём говорю.

Если спросить меня, что общего у всех этих историй, отвечу: люди. Люди, которые не знали своих прав — или знали, но не верили, что их можно отстоять. Система огромна, бумаг много, а ты один. Кажется, что шансов нет.

Эта книга — про то, что шансы есть.

Здесь не будет громких дел и знаменитых процессов. Будут будни: как работает общество инвалидов, почему коляска или слуховой аппарат — не «поблажка», а право; что делать, если работодатель не оформляет договор; как не запутаться в словах «недееспособный» и «опекун»; как проверять, есть ли в твоём городе доступная среда, и как разговаривать с госорганами так, чтобы они не отмахивались. И как обычный человек — не юрист, не герой, просто человек — может говорить с системой на понятном ей языке и выигрывать.

Сегодня я строю онлайн-школу, чтобы передавать эти знания дальше. Потому что справедливость — это не абстракция. Это пандус у подъезда. Это вовремя выданный слуховой аппарат. Это зарплата, которую не прячут в конверте. Это договор, который подписывают сразу, а не «потом».

Читай эту книгу так, будто мы сидим напротив друг друга за столом, и я рассказываю то, что знаю. Потому что именно так она и написана.

Все истории в этой книге основаны на реальных событиях. Имена, должности и некоторые детали биографий героев изменены в целях сохранения конфиденциальности. Прямая речь восстановлена по памяти и не претендует на дословность. Совпадения с реальными людьми случайны, а узнаваемость отдельных ситуаций — заслуга не уникальности обстоятельств, а их распространённости.

# ЧАСТЬ I. ДЕТСТВО И ШКОЛА

## ГЛАВА 1. БАЙМАК, «СКАЗКА» И ПЕРВЫЙ ВОПРОС «ПОЧЕМУ?»

Знаешь, как бывает: люди часто думают, что если родился в одном городе, значит, и детство там прошло. А у меня вышло по-другому. Родился я в Уфе — так уж получилось, мама рожала меня там. Но домом для меня всегда был Баймак. Мы жили именно здесь, и этот небольшой город на востоке Башкирии стал моим миром. Здесь горы видны почти из каждого двора, а зима наступает, кажется, уже в октябре.

Маленький город — это значит, что все друг друга знают. Это неудобно, когда тебе стыдно. И бесценно, когда тебе нужна помощь.

Я рос как обычный мальчишка — насколько вообще можно быть «обычным», когда у тебя ДЦП. Многое давалось труднее, чем другим: и физически, и по-человечески. Но знаешь, что интересно? Я почти не помню, чтобы кто-то в моём детстве жалел меня так, чтобы это обижало. Жалели — по-доброму, по-семейному. А вот смотрели косо — пацаны на улице, прохожие — такое было. И где-то там, внутри, уже тогда рождалось странное чувство: почему со мной по-другому? Почему ко мне относятся как к человеку, у которого что-то отняли?

Мой первый «большой мир» был не школа, а детский сад. И не какой-нибудь, а «Сказка». Это был первый инклюзивный детский сад в нашем районе — тогда это слово ещё не все произносили, а мы уже жили по нему. Рядом со мной были ребята и с таким диагнозом, как у меня, и с другими. Нас не делили на «обычных» и «особенных» — мы просто играли вместе, капризничали вместе, дружили и ссорились, как все дети.

И вот с этим детским садом связана история, которую я вспоминаю до сих пор. В один отнюдь не прекрасный день наши воспитатели уехали на переобучение, а к нашей группе приставили временную воспитательницу. И у неё была одна простая особенность: она отказалась мне помогать. Не застегнёт обувь, не зашнурует — «сам разберёшься». Мне, мальчишке с ДЦП, для которого застегнуть ботинок — целая работа. В итоге так вышло, что я просто не пошёл с группой на улицу. Остался в группе и стал помогать нянечке готовиться к обеду.

А дальше случилось то, что я не способен придумать, даже если бы очень захотел. По стечению обстоятельств нянечка нанесла телесные повреждения ребёнку — девочке, назовём её Алина (имя изменено). И свалила всё это на меня. Мне, дошкольнику, которого оставили в группе, потому что его некому было вывести на улицу.

Что было дальше — не описать одним абзацем. Целых три месяца нас гоняли по следственным экспериментам, по комнатам милиции. Взрослые, с серьёзными лицами, просили ребёнка показать, как он «наносил побои». Как будто пятилетний мальчик с ДЦП может сделать то, в чём его обвиняют. А я ведь в это время говорил маме, когда меня даже обижали: «Мама, я не могу дать сдачи — ведь девочке будет больно». Это не пафос, это буквально то, что я говорил. И вот такого ребёнка — таскали по милиции.

Закончилась история хорошо — нянечка потом призналась, что это она. Но у признания есть цена, и я её знал наизусть все эти три месяца. Может, поэтому я так болезненно реагирую, когда системе удобно повесить вину на того, кто не может ответить. Я с этим столкнулся раньше, чем научился завязывать шнурки сам.

Мама была моим якорем. Она не разрешала никому говорить про меня «он не сможет». Именно мама всегда хотела, чтобы я стал юристом — но об этом разговор ещё впереди. И в этом её «ты не хуже других, просто по-другому» не было жалости — в нём была сила.

А вот с папой всё было сложнее. Он, к сожалению, не уделял мне должного внимания и воспитания до определённого времени. Об этом мы ещё поговорим в этой книге — там эта история ложится совсем иначе, чем кажется на первый взгляд. Скажу пока только одно: даже в его молчании я чему-то учился. Учился тому, что если никто не сделает первый шаг — сделай его сам.

В школу я пошёл в восемь лет — в первую школу города Баймака. И знаете, как началось? Учительница начальных классов настояла, чтобы меня перевели на домашнее обучение. Заметь: меня — а мою подругу, тоже с инвалидностью, назовём её Виктория (имя изменено), оставили. Меня сняли с финансирования как «неуспевающего» — а её почему-то оставили, хотя статья расходов та же. Чем я был хуже? Не успеваю, объяснили. Другая тарификация, другая нагрузка, а дома, дескать, ему будет больше внимания. Звучит почти заботливо, правда? Только «больше внимания» почему-то досталось не учителю, а маме. Маму фактически заставили — через директора — написать заявление на перевод. Так школа красивой фразой о «заботе» убрала меня из класса.

Домашнее обучение началось с первого класса, а с третьего — официальное дистанционное образование: комиссия ПМПК оформила его в декабре 2012 года. И вот что забавно: меня при этом куда только ни приглашали. Награды, конкурсы, мероприятия — из меня делали звезду школы. Показывали: «смотрите, у нас есть такой ученик». Гордились — публично. А за дверь — «он не успевает, нагрузка не та». И потом, когда из-за интернета всё обернулось, эта же звезда стала просто помехой. Через много-много лет директор говорит, что гордится нами. Я, пожалуй, не буду спорить. Просто замечу: гордиться всегда легко, когда всё уже произошло.

Об учёбе и о том, как меня подозревали в том, что я сам отключаю интернет, чтобы не учиться, я расскажу отдельно — это заслуживает подробного разговора. Как и история о человеке, с которым мы дружим до сих пор и с которым в школе нас, представьте, стравливали. Он ещё появится на этих страницах — и не раз.

Знаешь, что я понял много лет спустя, уже юристом? Всё, чем я занимаюсь сегодня — коляски, пандусы, права, суды, — у меня началось не в вузе и не в первый рабочий день. Оно началось здесь, в Баймаке, ещё в детстве. В «Сказке», где инклюзия была не лозунгом, а обычным утром. В тот день, когда я впервые подумал: «А почему так?» С тех пор я всё время ищу ответ на этот вопрос — уже с законом в руках.

**Что делать родителям сразу**

Эта книга — не только история. Если у вас дома растёт ребёнок с диагнозом, похожим на мой, вот пять шагов, с которых стоит начать. Я пишу их так, как сам их понимаю теперь, — уже юристом.

1. Оформите направление на МСЭ. Не ждите, пока «всё само устроится». Направление даёт лечащий врач в поликлинике, и с него начинается всё остальное: статус, выплаты, реабилитация. Как это устроено и где обычно спотыкаются — в главе о социальной защите.

2. Заведите папку документов. С первого дня. Каждая выписка, каждое заключение потом может стать аргументом. Я не зря говорю в этой книге, что документы — половина любой победы.

3. Спросите врача о реабилитации заранее. То, что изначально впишут в индивидуальную программу реабилитации, потом получить проще, чем добиваться добавления нового. Что такое ИПРА и как с ней обращаться — тоже в главе о социальной защите.

4. Найдите своих людей. Родительские сообщества, местные организации. В моём случае таким местом стала ВОИ — расскажу о ней в главе 9. Человек, который уже прошёл этот путь, экономит вам месяцы.

5. Не изолируйте ребёнка. Обычный сад, обычные дети, обычные требования — адаптированные, но не заниженные. «Сказка» из этой главы — не исключение, а то, на что можно рассчитывать, если знать свои права. О них — в главе о школе.

Это не советы свыше. Это пять шагов, которые, как я теперь понимаю, моя мама сделала за меня — интуитивно, без инструкции. Хорошо бы, чтобы у вас инструкция была.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.